

Развитие инструментов государственного управления академической мобильности молодежи в общей среде миграции населения в период глобализации инновационных предпринимательских структур

Виктория Константиновна Никитина

старший преподаватель кафедры «Журналистика, реклама и связи с общественностью»

Владимирский государственный университет

Владимир, Россия

nikvik@mail.ru

 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 4.08.2021

Принята 19.09.2021

Опубликована 15.10.2021

 10.25726/e1368-3853-5541-u

Аннотация

Молодежь как класс студенчества определяется тем, что готово не только к формированию инновационного мышления, но также и к изменению своего места пребывания, которое изменяется соответственно задачам, которые молодежь ставит перед собой в процессе изучения отдельных дисциплин, а также при формировании своей жизненной стратегии. Актуальность исследования определяется тем, что построение выбранной образовательной траектории определяется готовностью к получению образования определенной ступени и смене специализации при необходимости изучения более новых дисциплин и формирования знаний. Новизна исследования определяется тем, что мобильность студентов академического толка определяется не только сопутствующим набором получаемых данных, но также и влиянием на миграционные потоки. Следствием подобных миграционных потоков могут быть смещения социального капитала общества в целом. Авторы показывают, что формирование академической мобильности имеет прямую корреляционную связь и способствует достижению условий личностного развития студентов. Практическая значимость исследования определяется тем, что студенческая мобильность позволяет расширить возможности кросскультурного обмена и определить потенциальные направления глобализации общества. Авторы определяют, что возможность прогнозирования изученного явления даст дополнительный стимул экономической стратификации общества.

Ключевые слова

Студенты, развитие, глобализация, становление, формирование, предпринимательство, инновации, регионы, государственное управление, социально-экономическое развитие.

Введение

За последнее тысячелетие в обществе происходят постоянные изменения, которые проявляются в бурном развитии науки и техники, в быстрой трансформации экономической структуры, в воздействии этих изменений на деятельность человека, на его общественное положение (Kirpitchenko, 2014). Бесконечные трансформации побудили к исследованию таких проблем, как изучение движения различных общественных групп населения и выявление этих изменений в социальной структуре общества (Standley, 2015).

Для характеристики данного движения используется такое понятие как «мобильность», изучению которого в последние годы уделяется много внимания (Selya, 2016). Мобильность – междисциплинарное понятие, которое изучается различными науками. Мобильность является необходимой предпосылкой эффективного использования трудового потенциала, предотвращения и преодоления структурной и

региональной безработицы (Quintana, 2019). Непосредственной причиной трудовых перемещений в каждом отдельном случае является несоответствие интересов и требований работника относительно конкретного рабочего места, а на макроэкономическом уровне – несоответствие между существующим распределением рабочих мест и потребностями людей (Lanzendorf, 2010).

Первоначальное значение термина «мобильность» происходит от латинского слова *mobiles* – подвижный, способный к быстрому передвижению, действию (Czaika, 2017). Например, К. Маркс под мобильностью понимает всестороннюю подвижность работника. Некоторые ученые считают, что мобильность – это не только пространственное перемещение, но и качественное его изменение, а трудовая мобильность – это подвижность работника, его перемещение между рабочими местами, другие связывают мобильность с любыми изменениями в положении человека (Bezrukov, 2018).

Основатель теории мобильности рабочей силы А. Смит выделяет два аспекта мобильности: производственный и социально-психологический. Первой предпосылкой мобильности рабочей силы А. Смит определяет экономическое развитие общества, которое улучшает условия труда и приводит к росту производительности, а со временем – и к исчезновению целой сферы хозяйственной деятельности или отрасли, которые существовали и развивались на протяжении многих веков (Finn, 2017). Результатом этого становится необходимость поиска нового места приложения труда. Второй предпосылкой возникновения мобильности рабочей силы является экономическое обособление индивида, рассматриваемое им в рамках концепции «экономического человека», где доминирующим мотивом является корыстный интерес, который может быть удовлетворен только за предоставление услуг другим людям, предлагая свой труд и продукты труда (Morley, 2018). Несоответствие между спросом и предложением на рынке труда решается посредством установления цены труда, которую можно считать итоговым результатом мобильности рабочей силы (Murphy, 2011).

Большой опыт в изучении этого вопроса накопила социология, где к определению понятия «мобильность» подходят с позиции социальной структуры общества, изменения своего социального статуса в социальной стратификации (Wang, 2020). Вопросами мобильности или некоторыми формами мобильности занимается демография. Эта наука изучает направления движения отдельных возрастных групп и поколений, региональное перераспределение населения и тому подобное. Отдельные аспекты мобильности изучает и психология: личностные мотивы мобильности или стабильности рабочей силы.

Материалы и методы исследования

В экономической науке понятие «мобильность» применяется в отношении всех экономических ресурсов: человеческих, инвестиционных, природных, капитальных и тому подобное (Torres, 2017). В нашей работе мы будем рассматривать мобильность человеческих ресурсов, а именно мобильность студентов. Анализируя научные трактовки этого понятия, можно выявить два основных толкования мобильности. Во-первых, это потенциальная готовность индивида к изменению своего социального или территориального статуса; во-вторых, как синоним слова перемещения (Gerhards, 2018).

К первой группе мы относим труды ученых, где мобильность определяется как способность населения или рабочей силы к социальному или территориальному перемещению (Vosman, 2007). Так, согласно одному из подходов, мобильность определяется как готовность и возможность населения менять социальный статус, профессиональную принадлежность и место жительства, тогда как миграция – фактическое перемещение населения. Термин «мобильность» отождествляют с потенциальной способностью или готовностью индивида к действию, чем само действие, а миграцию – с любой формой социального движения, где текучесть кадров выступает как один из видов миграции (Cots, 2016).

Мобильность – это составная часть, неотъемлемый элемент человеческого капитала личности, характеризующая способность человека к целенаправленному изменению своей трудовой роли и статуса, благодаря которому и социально-экономическим факторам становятся возможными разнообразные виды и формы перемещений рабочей силы из одних социально-профессиональных групп, сфер занятости, видов трудовой деятельности и рабочих мест на другие (Eveland, 2019).

Согласно этому подходу, мобильность определяется как наиболее общая характеристика перемещения любых ресурсов в пространстве, их способность к перемещению и возможность (действие,

которое может происходить или нет) менять свое социальное, экономическое или территориальное положение (Finch, 2009).

Чаще всего, по нашему мнению, для определения понятия «мобильность» используют термин «перемещение» (движение). Как синоним слова «перемещение», мобильность трактуют этот термин как процесс перемещения рабочей силы на новые рабочие места, что может сопровождаться изменением вида занятости (профессии), территории, работодателя (Salajan, 2012). Мобильность – это не только пространственное перемещение индивида, но и качественное его изменение, которое касается не только непосредственно личности работника, но и других атрибутов, которые влияют на формирование условий жизнедеятельности человека (заработной платы, семейного положения, бытовых условий и тому подобное). Определяют мобильность как процесс, который происходит под действием различных объективных и субъективных факторов, изменения индивидом или социальной группой своего места в системе разделения труда.

Обобщая мнение относительно толкования понятия «мобильность» как синонима перемещения, можно сформулировать такое определение «мобильности»: это процесс перемещения человеческих ресурсов, что вызвано не только специфическими характеристиками личности, но и факторами внешней среды, которые влияют на личность, как в месте выбытия, так и в месте прибытия (Gunter, 2018).

Следовательно, учитывая вышеизложенное, мы пришли к мысли, что мобильность студентов – это не только способность студентов к перемещению и ее возможность изменять свое социальное, экономическое или территориальное положение, а также и процесс перемещения рабочей силы, вызванный не только специфическими характеристиками личности, но и факторами внешней среды, которые влияют на личность, как в месте выбытия, так и в месте прибытия (Sorber, 2018).

Касаясь процесса перемещения рабочей силы, стоит уточнить для нашей работы понятия «миграция», которое происходит от латинского слова *migratio* и означает переселение, перемещение. Впервые это понятие было рассмотрено в работе английского ученого Е. Равенштейна «Законы миграции» (1834-1913 гг.), где миграция рассматривается как непрерывный процесс, который происходит под воздействием четырех основных групп факторов:

- 1) факторы, действующих в начальном месте нахождения мигранта;
- 2) факторы, действующие во время переезда;
- 3) факторы, действующие в месте переезда;
- 4) личностные факторы.

Во второй половине 1960-х гг. рассматривают миграцию в трех различных аспектах – как территориальные, отраслевые и профессиональные перемещения, что повлекло замещение термина «мобильность» термином «миграция». На протяжении 1960-1970-х годов изучение миграции населения связано с появлением большого количества определений этого явления и попыток его классифицировать. Миграцию стали называть территориальным, географическим, пространственным явлением, однако в иностранной литературе миграцию определяли как мобильность (лат. *mobilis*) – движение, перемещение, переселение, перераспределение и тому подобное.

В соответствии с методом оценки территориальной мобильности нами проведено исследование реализованной территориальной мобильности молодежи на базе анализа данных об интенсивности и объеме миграционного движения Московской области. Учитывая анализ относительно социально-экономических условий и миграционных тенденций, сложившихся в 2017-2019 гг., который выделен нами как пятый этап процесса территориальной мобильности студентов, целесообразно более подробно рассмотреть территориальную мобильность молодежи именно в этот период. Основными показателями миграции населения в стране и за ее пределами являются абсолютные: число прибывших, число выбывших, сальдо миграции. Нами проведен анализ территориальной мобильности молодежи на межгосударственном уровне.

Результаты и обсуждение

В 2019 г. сальдо межобластной миграции молодежи в Московской области несколько снизилось по сравнению с предыдущими годами (2017 г. – +10,8 тыс. лиц), однако несколько возросло по сравнению

с 2018 г. (+4,3 тыс. лиц) и составило +5,9 тыс. лиц (рис. 1). Зато среди всего населения в 2019 г. не произошел рост сальдо миграции.

Количество прибывших и выбывших в течение 2017-2019 гг. сократилась как среди молодежи, так и среди всего населения. Также уменьшился миграционный оборот молодежи, как и всего населения, почти в три раза. Значительные изменения приобрел удельный вес молодежи в общем обороте (рис. 1). Если в 2017 г. этот показатель составил 58,8%, то в 2018 г. он несколько снизился (54%), а в 2019 г. снова произошло незначительное увеличение удельного веса молодежи в общем обороте.

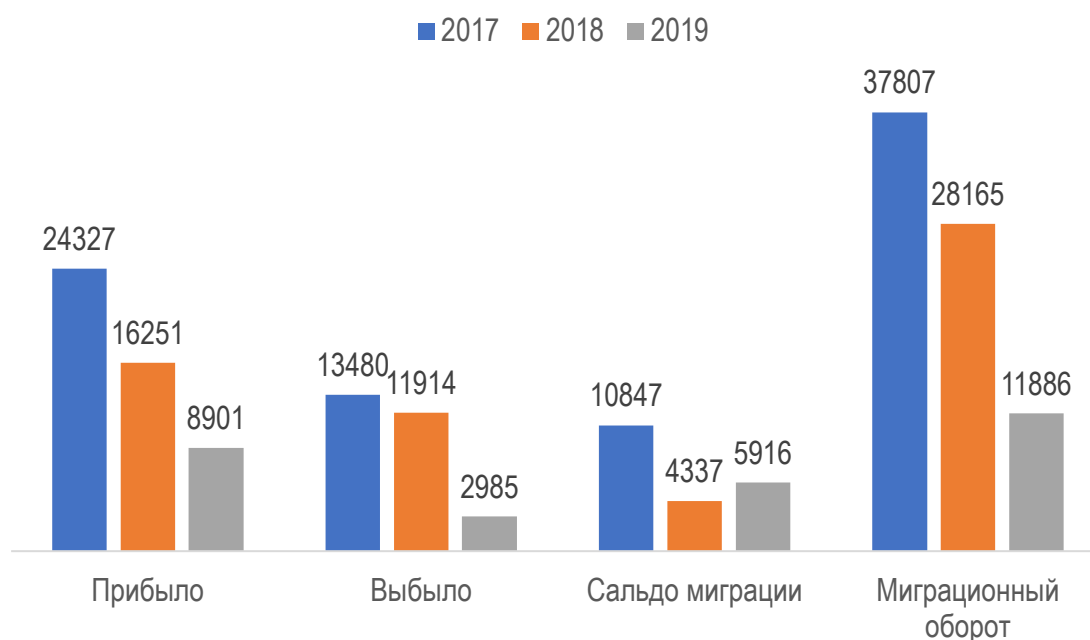

Рисунок 1. Объемы межобластной миграции среди населения и молодежи в возрасте 15-34 лет в Московской области в 2017-2019 гг., человек

В 2017-2019 гг. среди прибывших в Московскую область в возрасте 15-35 лет преобладают мужчины: в 2017 г. количество прибывших молодых мужчин составила 15,8 тыс. человек, а в 2019 г. – 6,2 тыс. человек, тогда как женщин – 7,8 тыс. и 2,5 тыс. человек соответственно. Сальдо миграции молодых женщин на протяжении данного периода уменьшалось интенсивнее (в 3,2 раза), чем среди мужчин (в 1,6 раз) (рис. 2).

В 2018 г. выявлено отрицательное сальдо межобластной миграции среди городской молодежи в возрасте 20-24 (-340 человек) и 25-29 лет (-250 человек). Анализ этого показателя по полу свидетельствует о значительном выбытии мужчин этих двух возрастных категорий за пределы области: сальдо миграции мужчин в возрасте 20-24 года составило -439 человек, сальдо миграции мужчин в возрасте 25-29 лет – -249 человек (рис. 3). Это может быть связано как с выездом данной категории молодежи за границу с целью обучения, так и трудоустройства.

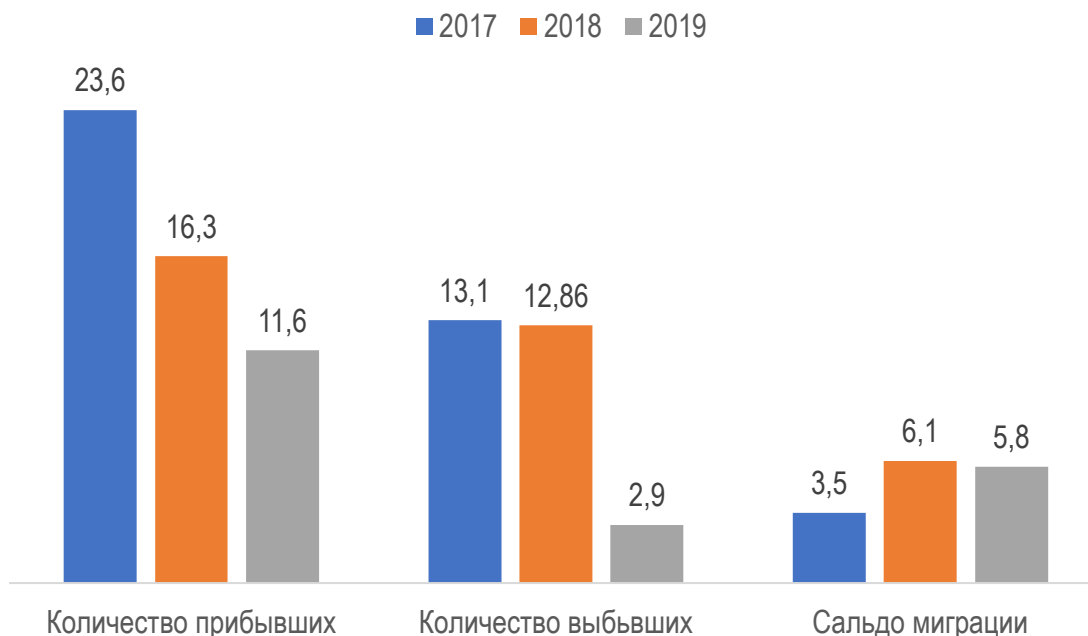

Рисунок 2. Объемы межобластной миграции молодежи в возрасте 15-34 года за статью в 2017-2019 гг., тыс. человек

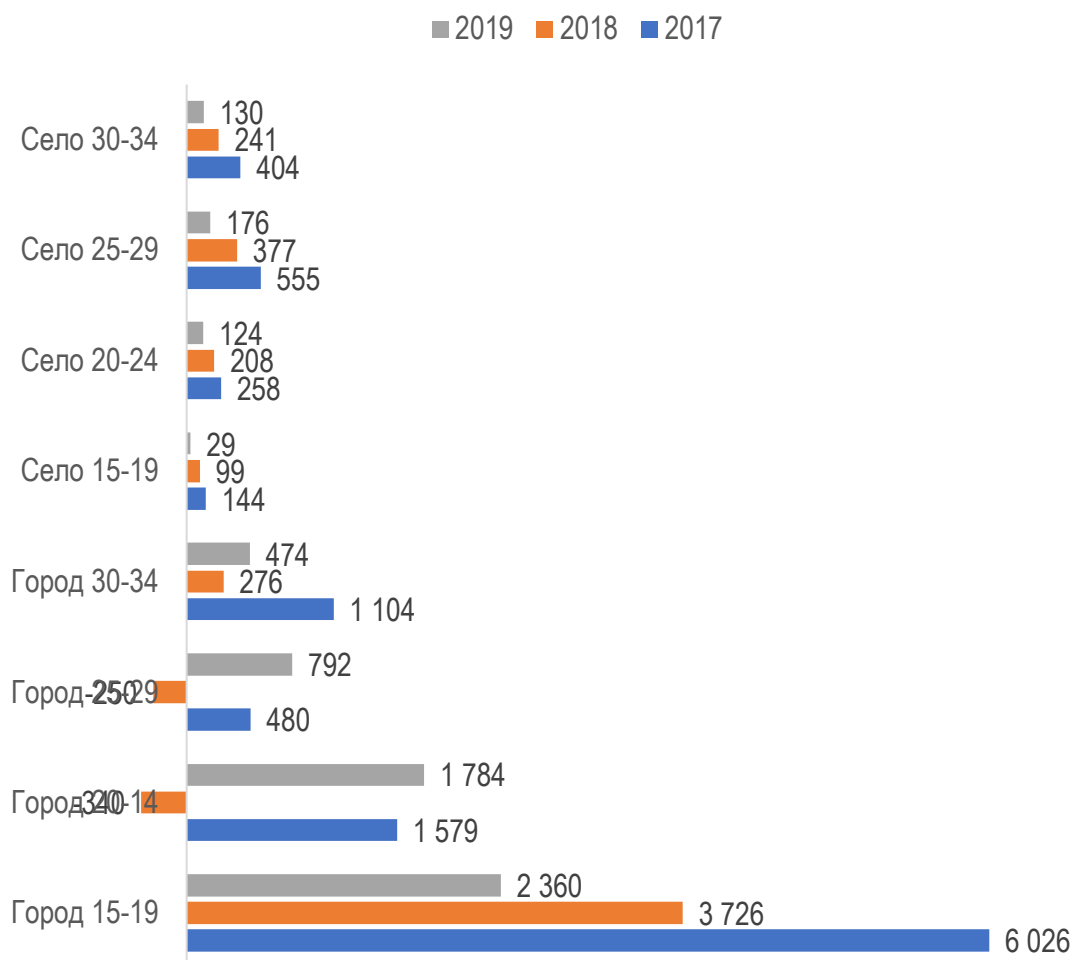

Рисунок 3. Сальдо миграции молодежи в возрасте 15-34 лет по возрасту и территориальному признаку

Оценка интенсивности территориальной мобильности молодежи была осуществлена на основе относительных величин: коэффициент прибытия, коэффициент выбытия, общий коэффициент миграционного прироста (табл. 1).

Таблица 1. Территориальная мобильность

Год	Показатель прибытия	Показатель убытия	Внешний коэффициент прироста	Коэффициент миграционного оборота
2017				
15-19	0,33	0,18	0,14	0,51
20-24	0,44	0,20	0,24	0,64
25-29	0,57	0,20	0,36	0,77
30-34	0,58	0,31	0,27	0,88
2018				
15-19	2,39	0,45	1,94	2,84
20-24	2,03	2,08	-0,055	4,11
25-29	1,10	1,06	0,04	2,16
30-34	0,73	0,58	0,15	1,31
2019				
15-19	1,41	0,16	1,27	1,60
20-24	1,14	0,37	0,78	1,51
25-29	0,60	0,30	0,30	0,90
30-34	0,35	0,18	0,17	0,53

По расчетам автора, коэффициент выбытия среди молодежи в 2017-2018 гг. немного снизился (от 1,06‰ в 2017 г. до 1,01‰ в 2018 г.). В 2019 г. наблюдалось значительное падение этого коэффициента (0,25‰). В 2019 г. значительно снизился коэффициент выбытия среди молодых мужчин и женщин (соответственно 0,3‰ и 0,22‰). Коэффициент прибытия среди молодежи в возрасте 15-34 года в течение 2017-2019 гг. снизился с 1,91 и до 0,78 и др. В большей степени снижение этого показателя произошло среди молодых мужчин.

Общий коэффициент миграционного прироста среди молодежи в возрасте 15-34 года в 2017 г. составлял 0,85‰ и был самым высоким на протяжении исследуемого периода. Существенное снижение общего коэффициента миграционного прироста произошло в 2018 г. (0,37‰), тогда как в 2019 г. имело тенденцию к определенному росту. Коэффициент интенсивности миграционного оборота молодежи в возрасте 15-34 года в течение 2017-2019 гг. снижался (от 2,97). Среди всего населения наблюдалась подобная тенденция. Среди молодых мужчин коэффициент интенсивности миграционного оборота сократился интенсивнее, чем среди молодых женщин.

Дифференциация общего коэффициента миграционного прироста и коэффициента интенсивности миграционного оборота молодежи в возрасте 15-34 года по возрасту, полу и типу поселения свидетельствует, что более активное участие в межобластной миграции принимали мужчины в возрасте 15-19 лет и 20-24 года, которые жили в городах, чем сельские жители мужского пола. Коэффициент интенсивности миграционного оборота в 2019 г. для этих возрастных групп городской молодежи равнялся 3,28‰ и 3,03‰ соответственно (в 2018 г. – 5,67‰ и 8,15‰ соответственно), тогда как для сельских молодых мужчин – 0,58‰ и 0,63‰. В 2018 г. общий коэффициент миграционного прироста в возрастной группе 20-24 (-0,50‰) и 24-29 лет (-0,21‰) среди мужчин был отрицательным, что свидетельствует об оттоке этой возрастной группы мужчин за границу. В 2019 г. этот показатель приобрел добавленные значения (соответственно 1,71‰ и 0,59‰)

В течение 2017-2019 гг. среди сельской молодежи обоих полов показатели выбытия и прибытия значительно ниже, чем среди городского. В 2019 г. показатель прибытия городской молодежи 15-34 года составил 1,22‰, сельского – 0,24‰, тогда как показатель выбытия равнялся 0,20 и 0,11‰ соответственно. Среди городской молодежи в возрасте 15-19 лет отмечался высокий показатель

прибытия на протяжении исследуемых лет. Например, в 2018 г. этот показатель составлял 4,86 и среди мужчин и 2,08 и среди женщин, что значительно выше, чем среди более старших возрастных групп городской молодежи (в возрасте 20-24 года – 3,83 и 1,80 и соответственно, в возрасте 25-29 лет 1,72 и 0,96 и соответственно).

Кроме того, среди женщин из сельской местности показатель выбытия постепенно рос с возрастом (2019 г.: в возрасте 15-19 лет – 0,08‰, в возрасте 30-34 года – 0,14‰; в 2018 г.: в возрасте 15-19 лет – 0,14‰, в возрасте 30-34 года – 0,36‰; 2017 г.: в возрасте 15-19 лет – 0,19‰, в возрасте 30-34 года – 0,29‰). Среди городских молодых женщин самый высокий показатель выбытия был в возрасте 20-24 года (2019 г. – 0,34‰; 2018 г. – 1,68‰; 2017 г. – 1,92‰), в старшем возрасте этот показатель снижался (2019 г.: в возрасте 25-29 лет – 0,36‰, в возрасте 30-34 года – 0,18‰; в 2018 г.: в возрасте 25-29 лет – 0,96‰, в возрасте 30-34 года – 0,61‰; 2017 г. в возрасте 25-29 лет – 0,98‰, в возрасте 30-34 года – 0,55‰). Также среди городских женщин с увеличением возраста снижался показатель прибытия. Крупнейшая межгосударственная территориальная мобильность молодежи свойственна молодым жителям городов в возрасте 20-24 и 25-29 лет, преимущественно это лица мужского пола.

Региональный анализ показателей внешней миграции молодежи в возрасте 15-34 года свидетельствует, что в 2017 г. для большинства регионов сальдо межобластной миграции было положительным, кроме Воронежской (-126 человек), Рязанской (-43) и Саратовской (-3) областей. Больше всего сальдо межобластной миграции в 2019 г., как и в предыдущие годы, зафиксировано в Тверской области (2325 человек) и г. Москве (1729 лица).

Общий коэффициент межгосударственного миграционного прироста среди молодежи в 2017-2019 г. сокращался во всех областях, кроме г. Москвы, где в 2019 г. по сравнению с 2017 г. зафиксирован рост этого показателя. Самый высокий общий коэффициент миграционного прироста (сокращения) в 2019 г. также был в Московской области (3,27‰), однако по сравнению с предыдущими годами он был ниже.

В большинстве регионов коэффициент интенсивности межгосударственного миграционного оборота молодежи в 2019 г. был меньше за единицу, кроме регионов ЦФО. Самое высокое значение этого показателя зафиксировано, как всегда, в Московской области (4,16 м) и г. Москве (3,35 м).

Показателем реализованной территориальной мобильности молодежи также может быть количество студентов, которые проходят обучение или стажировку в иностранных учебных заведениях. Количество студентов из Московской области, которые учились за границей, выросла с 42,5 тыс. лиц в 2013 г. до 60,3 тыс. в 2019 г. По результатам опроса мигрантов и домохозяйств в Московской области, подавляющее большинство студентов составляли жители городов (69%) и лица в возрасте 18-29 лет (79%), другая часть – лица в возрасте от 30 до 44 лет (21%). К 2018 г. в Московской области преобладал приезд иностранных студентов над выездом студентов на обучение в другие страны, но в 2018-2019 гг. количество студентов, выехавших за границу на учебу, превысило количество иностранных студентов в учебных заведениях.

Количество граждан, которые учились в зарубежных учебных заведениях, в 2018/2019 гг. составляло 66 668 человек (в 2017/2018 гг. – 59 648 человек). Динамика роста количества студентов за границей в течение 2009-2019 гг. составляла 176%. Среди наиболее популярных стран для обучения оставались Германия (30 041 человек), Англия (9 088 человек), Беларусь (6 936 человек), Канада (2 790 человек), Чехия (2 395 человек), Италия (2 348 человек), США (1 680 человек), Испания (1 612 человек), Австрия (1 612 человек), Франция (1 348 человек), Венгрия (1 026 человек).

Что касается количества студентов, которые учились за границей на PhD-программах, то по данным из 14 стран (отсутствуют США, Канада, Великобритания), по состоянию на 2018/2019 гг. таких более 1 600 человек. Наибольшее количество студентов в Германии (525 человек), Польше (380 человек), Чехии (223 человека), Франции (201 человек), Швейцарии (105 человек), Финляндии (73 человека).

Относительно стажировки или трудоустройства молодых ученых в иностранных учебных заведениях, точной информации об их количестве нет, поскольку государственная статистика не отражает эти показатели по возрасту или полу. По данным Росстата можно получить информацию

только об общем количестве научных работников, которые выехали за границу на обучение, стажировку, повышение квалификации, но нельзя узнать сколько их вернулось в Московскую область.

Осуществленный нами анализ продемонстрировал, что в 2017-2019 гг. сальдо межобластной миграции молодежи в возрасте 15-34 года постепенно снижалось. Количество прибывших среди молодежи почти вдвое превышало число выбывших. Интенсивность межобластной миграции молодежи на протяжении этого периода уменьшалась как среди молодых мужчин, так и среди молодых женщин. Крупнейшая межгосударственная территориальная мобильность молодежи присуща жителям городов в возрасте 20-24 и 25-29 лет, преимущественно это лица мужского пола. Одним из факторов внешней территориальной мобильности молодежи является желание получить высококачественное образование за рубежом (табл. 2).

Таблица 2. Внутренняя мобильность

Год	Показатель прибытия	Показатель убытия	Внешний коэффициент прироста	Коэффициент миграционного оборота
2017				
15-19	55,99	56,12	-0,13	112,12
20-24	35,32	39,49	-0,17	78,82
25-29	13,76	14,72	0,16	29,60
30-34	14,40	10,88	0,19	21,95
2018				
15-19	52,84	52,72	0,12	105,56
20-24	35,50	35,44	0,06	70,94
25-29	14,17	13,97	0,20	28,14
30-34	11,20	11,01	0,19	22,22
2019				
15-19	19,67	19,59	0,09	39,26
20-24	16,11	16,07	0,03	32,18
25-29	8,03	7,93	0,10	15,95
30-34	6,14	6,04	0,11	12,18

Также нами проведен анализ территориальной мобильности молодежи на национальном и региональном уровнях. Объемы внутренней миграции молодежи в течение 2017-2019 гг. уменьшались, а сальдо внутренней миграции с 2017 г. приобрело положительное значение, что свидетельствует о перемещении населения. Количество женщин во внутренних миграциях было больше, чем количество мужчин (рис. 4).

Внутренний миграционный оборот в 2017-2019 гг. среди молодежи в возрасте 15-34 года имел большие темпы снижения, чем подобный показатель среди всего населения. При этом удельный вес молодежи во внутреннем обороте сократился с 65% в 2017 г. до 53% в 2019 г. (рис. 5).

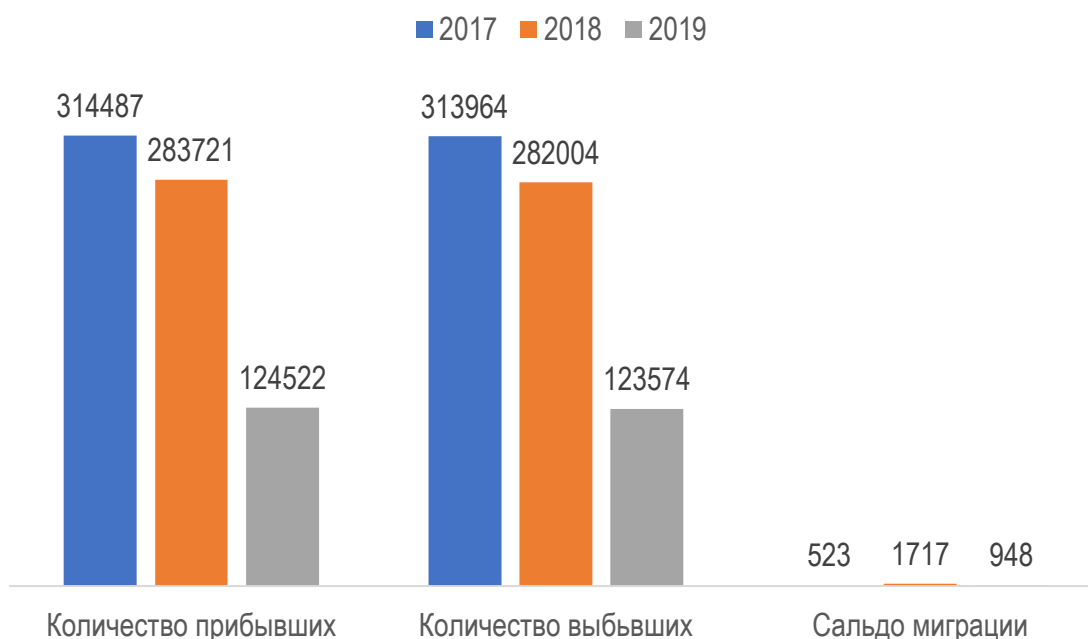

Рисунок 4. Объемы внутренней миграции молодежи в возрасте 15-34 года в 2017-2019 гг., человек

Рисунок 5. Динамика внутреннего миграционного оборота и удельный вес молодежи во внутреннем обороте в 2017-2019 гг.

Коэффициент интенсивности миграционного оборота молодежи в возрасте 15-34 года в пределах Московской области выше, чем среди всего населения, и имеет схожую тенденцию. В 2017 и 2018 гг. этот показатель среди молодежи был несколько ниже, чем в 2013 г., и составлял соответственно 50,71% и 47,95%, тогда как в 2019 г. этот показатель снизился до 23,10%. Это свидетельствует о снижении внутрирегиональной территориальной мобильности молодежи в течение последних трех лет. Среди молодых женщин коэффициент интенсивности миграционного оборота внутри страны был выше, чем среди мужчин. Причем в 2017 г. произошел рост этого показателя среди молодых мужчин, тогда как среди женщин он снизился.

Заключение

Анализ возрастных различий коэффициента интенсивности внутреннего миграционного оборота свидетельствует, что наибольший этот показатель среди молодежи в возрасте 15-19 лет. Именно эта возрастная группа молодежи закончила получение среднего образования и включается в образовательную и трудовую миграции. Коэффициент интенсивности миграционного оборота в 2018 г. в возрастной группе 15-19-летних больше, чем среди 20–24-летних (соответственно 105,6‰ и 70,9‰), и значительно больше, чем среди возрастных групп 25-29-летних (28,1‰) и 30-34-летних (22,2). В возрасте 20-24 года молодежь заканчивает обучение в учреждениях высшего образования и частично возвращается домой, присоединяется к трудовой миграции после получения высшего образования, а некоторые молодые мужчины возвращаются из рядов вооруженных сил, поэтому для этой возрастной группы территориальная мобильность также остается достаточно высокой, но несколько ниже, чем в младшей возрастной группе молодежи.

После 20-24 лет интенсивность территориальной мобильности достаточно резко снижалась, что характерно как для городской, так и сельской молодежи. Коэффициент интенсивности миграционного оборота среди сельской и городской молодежи в возрасте 25-34 года был одинаковым, однако в младших возрастных группах наблюдалась высокая интенсивность территориальной миграции среди городской молодежи в отличие от сельских жителей. Это свидетельствует, что городская молодежь, даже из небольших городов, имеет большие возможности для самореализации: лучшие условия для профессионального и карьерного роста; лучшие возможности доступа к качественному образованию; умение приспосабливаться к новым жизненным обстоятельствам и людей, условий труда.

Стоит заметить, что коэффициент интенсивности миграционного оборота среди молодых женщин выше, чем среди мужчин. Такая тенденция прослеживалась во всех возрастных группах независимо от типа поселения, но с увеличением возраста этот показатель снижался пропорционально как среди женщин, так и мужчин. Это свидетельствует о большей мобильности молодых женщин.

Анализ общего коэффициента миграционного прироста по типу поселения свидетельствует о оттоке сельской молодежи в городскую местность до 2019 г. В 2018 г., по сравнению с 2017 г., произошел рост этого показателя среди городской и сельской молодежи. В 2019 г. общий коэффициент миграционного прироста среди сельской молодежи приобрел положительное значение (0,28), а среди городской молодежи – отрицательное (-0,003), что свидетельствует об обратном процессе – возвращении сельской молодежи в сельскую местность.

Общий коэффициент миграционного прироста среди сельской молодежи в младшей возрастной группе в 2018 г. был отрицательным (-24,77‰), тогда как в возрасте 20-24 года – вступил в положительное значение (14,01‰). Среди молодых мужчин общий коэффициент миграционного прироста был ниже почти во всех возрастных группах, чем среди лиц женского пола, тогда как наибольший зафиксирован среди старших возрастных групп как мужского, так и женского пола. Для городских женщин в возрасте 20–24 лет характерным было отрицательное значение общего коэффициента миграционного прироста, однако у 25-29-летних жительниц городов общий коэффициент миграционного прироста вступил в положительном значении. Это может быть следствием вовлеченности женщин в брачные миграции или их невозврат в сельскую местность после учебы в учреждениях высшего и профессионального образования.

Список литературы

1. Bezrukov, A., Ziyatdinova, J., Sanger, P., Ivanov, V. G., & Zoltareva, N. (2018). Inbound International Faculty Mobility Programs in Russia: Best Practices. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 715, 260–265. https://doi.org/10.1007/978-3-319-73210-7_31
2. Bosman, A. A. P., Gardarsdóttir, H., Härmark, L., Lourenço, L. M., Wuliji, T., Bates, I., & Carter, S. (2007). Academic mobility in pharmacy faculty: An exploratory study. *Pharmacy Education*, 7(2), 177–181. <https://doi.org/10.1080/15602210701256757>

3. Cots, J. M., Aguilar, M., Mas-Alcolea, S., & Llanes, À. (2016). Studying the impact of academic mobility on intercultural competence: a mixed-methods perspective. *Language Learning Journal*, 44(3), 304–322. <https://doi.org/10.1080/09571736.2016.1198097>
4. Czaika, M., & Toma, S. (2017). International academic mobility across space and time: The case of Indian academics. *Population, Space and Place*, 23(8). <https://doi.org/10.1002/psp.2069>
5. Eveland, T. J. (2019). Supporting first-generation college students: analyzing academic and social support's effects on academic performance. *Journal of Further and Higher Education*. <https://doi.org/10.1080/0309877X.2019.1646891>
6. Finch, H., Lapsley, D. K., & Baker-Boudissa, M. (2009). A survival analysis of student mobility and retention in Indiana charter schools. *Education Policy Analysis Archives*, 17, 1–15.
7. Finn, K. (2017). Multiple, relational and emotional mobilities: Understanding student mobilities in higher education as more than 'staying local' and 'going away.' *British Educational Research Journal*, 43(4), 743–758. <https://doi.org/10.1002/berj.3287>
8. Gerhards, J., Hans, S., & Drewski, D. (2018). Global inequality in the academic system: effects of national and university symbolic capital on international academic mobility. *Higher Education*, 76(4), 669–685. <https://doi.org/10.1007/s10734-018-0231-8>
9. Gunter, A., & Raghuram, P. (2018). International study in the global south: linking institutional, staff, student and knowledge mobilities. *Globalisation, Societies and Education*, 16(2), 192–207. <https://doi.org/10.1080/14767724.2017.1401453>
10. Kirpitchenko, L. (2014). Comparing experiences of academic mobility and migration. *Comparative Sociology*, 13(2), 215–234. <https://doi.org/10.1163/15691330-12341301>
11. Lanzendorf, U., & Kehm, B. M. (2010). Student and faculty transnational mobility in higher education. *International Encyclopedia of Education*. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-044894-7.00850-2>
12. Morley, L., Alexiadou, N., Garaz, S., González-Monteagudo, J., & Taba, M. (2018). Internationalisation and migrant academics: the hidden narratives of mobility. *Higher Education*, 76(3), 537–554. <https://doi.org/10.1007/s10734-017-0224-z>
13. Murphy, M., McHale, D., Dyrenfurth, M., & Barnes, J. (2011). Successful engineering and technology student mobility: Key student perspectives and quality determinants before, during and after student exchange under the Atlantis programme. In *SEFI Annual Conference 2011* (pp. 890–899).
14. Quintana, R., & Correnti, R. (2019). The Concept of Academic Mobility: Normative and Methodological Considerations. *American Educational Research Journal*. <https://doi.org/10.3102/0002831219876935>
15. Salajan, F. D., & Chiper, S. (2012). Value and benefits of European student mobility for Romanian students: experiences and perspectives of participants in the ERASMUS programme. *European Journal of Higher Education*, 2(4), 403–422. <https://doi.org/10.1080/21568235.2012.737999>
16. Selya, A. S., Engel-Rebitzer, E., Dierker, L., Stephen, E., Rose, J., Coffman, D. L., & Otis, M. (2016). The causal effect of student mobility on standardized test performance: A case study with possible implications for accountability mandates within the elementary and secondary education act. *Frontiers in Psychology*, 7(JUL). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01096>
17. Sorber, N. M. (2018). Early land-grant colleges and students in the northeastern United States: A history of regional access and mobility patterns in Maine, Massachusetts, and New York, 1862-1878. *Agricultural History*, 92(1), 101–123. <https://doi.org/10.3098/ah.2018.092.1.101>
18. Standley, H. J. (2015). International mobility placements enable students and staffin Higher Education to enhance transversal and employability-related skills. *FEMS Microbiology Letters*, 362(19). <https://doi.org/10.1093/femsle/fnv157>
19. Torres, M. (2017). An exploratory study of the academic engagement and beliefs of Latino male high school students. *Race Ethnicity and Education*, 20(4), 546–560. <https://doi.org/10.1080/13613324.2015.1121221>

20. Wang, Z., Crawford, I., & Liu, L. (2020). Higher achievers? Mobility programmes, generic skills, and academic learning: a UK case study. *Intercultural Education*, 31(1), 68–86. <https://doi.org/10.1080/14675986.2019.1666246>

Development of public administration tools for academic mobility of youth in the general environment of population migration in the period of globalization of innovative business structures

Victoria K. Nikitina

Senior Lecturer of the Department «Journalism, advertising and public relations»

Vladimir State University

Vladimir, Russia

nikvik@mail.ru

 0000-0000-0000-0000

Received 4.08.2021

Accepted 19.09.2021

Published 15.10.2021

 10.25726/e1368-3853-5541-u

Abstract

Youth as a class of students is determined by the fact that they are ready not only to form innovative thinking, but also to change their place of residence, which changes accordingly to the tasks that young people set for themselves in the process of studying individual disciplines, as well as in the formation of their life strategy. The relevance of the research is determined by the fact that the construction of the chosen educational trajectory is determined by the readiness to receive education at a certain stage and change specialization if necessary to study newer disciplines and knowledge formation. The novelty of the study is determined by the fact that the mobility of academic students is determined not only by the accompanying set of data obtained, but also by the impact on migration flows. The consequence of such migration flows may be the displacement of the social capital of society as a whole. The authors show that the formation of academic mobility has a direct correlation and contributes to the achievement of conditions for the personal development of students. The practical significance of the study is determined by the fact that student mobility allows to expand the possibilities of cross-cultural exchange and identify potential directions of globalization of society. The authors determine that the possibility of forecasting the studied phenomenon will give an additional incentive to the economic stratification of society.

Keywords

Students, development, globalization, formation, formation, entrepreneurship, innovation, regions, public administration, socio-economic development.

References

1. Bezrukov, A., Ziyatdinova, J., Sanger, P., Ivanov, V. G., & Zoltareva, N. (2018). Inbound International Faculty Mobility Programs in Russia: Best Practices. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 715, 260–265. https://doi.org/10.1007/978-3-319-73210-7_31
2. Bosman, A. A. P., Gardarsdóttir, H., Härmark, L., Lourenço, L. M., Wuliji, T., Bates, I., & Carter, S. (2007). Academic mobility in pharmacy faculty: An exploratory study. *Pharmacy Education*, 7(2), 177–181.
3. Cots, J. M., Aguilar, M., Mas-Alcolea, S., & Llanes, À. (2016). Studying the impact of academic mobility on intercultural competence: a mixed-methods perspective. *Language Learning Journal*, 44(3), 304–322. <https://doi.org/10.1080/09571736.2016.1198097>

4. Czaika, M., & Toma, S. (2017). International academic mobility across space and time: The case of Indian academics. *Population, Space and Place*, 23(8). <https://doi.org/10.1002/psp.2069>
5. Eveland, T. J. (2019). Supporting first-generation college students: analyzing academic and social support's effects on academic performance. *Journal of Further and Higher Education*. <https://doi.org/10.1080/0309877X.2019.1646891>
6. Finch, H., Lapsley, D. K., & Baker-Boudissa, M. (2009). A survival analysis of student mobility and retention in Indiana charter schools. *Education Policy Analysis Archives*, 17, 1–15.
7. Finn, K. (2017). Multiple, relational and emotional mobilities: Understanding student mobilities in higher education as more than 'staying local' and 'going away.' *British Educational Research Journal*, 43(4), 743–758. <https://doi.org/10.1002/berj.3287>
8. Gerhards, J., Hans, S., & Drewski, D. (2018). Global inequality in the academic system: effects of national and university symbolic capital on international academic mobility. *Higher Education*, 76(4), 669–685. <https://doi.org/10.1007/s10734-018-0231-8>
9. Gunter, A., & Raghuram, P. (2018). International study in the global south: linking institutional, staff, student and knowledge mobilities. *Globalisation, Societies and Education*, 16(2), 192–207. <https://doi.org/10.1080/14767724.2017.1401453>
10. Kirpitchenko, L. (2014). Comparing experiences of academic mobility and migration. *Comparative Sociology*, 13(2), 215–234. <https://doi.org/10.1163/15691330-12341301>
11. Lanzendorf, U., & Kehm, B. M. (2010). Student and faculty transnational mobility in higher education. *International Encyclopedia of Education*. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-044894-7.00850-2>
12. Morley, L., Alexiadou, N., Garaz, S., González-Monteagudo, J., & Taba, M. (2018). Internationalisation and migrant academics: the hidden narratives of mobility. *Higher Education*, 76(3), 537–554. <https://doi.org/10.1007/s10734-017-0224-z>
13. Murphy, M., McHale, D., Dyrenfurth, M., & Barnes, J. (2011). Successful engineering and technology student mobility: Key student perspectives and quality determinants before, during and after student exchange under the Atlantis programme. In *SEFI Annual Conference 2011* (pp. 890–899).
14. Quintana, R., & Correnti, R. (2019). The Concept of Academic Mobility: Normative and Methodological Considerations. *American Educational Research Journal*. <https://doi.org/10.3102/0002831219876935>
15. Salajan, F. D., & Chiper, S. (2012). Value and benefits of European student mobility for Romanian students: experiences and perspectives of participants in the ERASMUS programme. *European Journal of Higher Education*, 2(4), 403–422. <https://doi.org/10.1080/21568235.2012.737999>
16. Selya, A. S., Engel-Rebitzer, E., Dierker, L., Stephen, E., Rose, J., Coffman, D. L., & Otis, M. (2016). The causal effect of student mobility on standardized test performance: A case study with possible implications for accountability mandates within the elementary and secondary education act. *Frontiers in Psychology*, 7(JUL). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01096>
17. Sorber, N. M. (2018). Early land-grant colleges and students in the northeastern United States: A history of regional access and mobility patterns in Maine, Massachusetts, and New York, 1862-1878. *Agricultural History*, 92(1), 101–123. <https://doi.org/10.3098/ah.2018.092.1.101>
18. Standley, H. J. (2015). International mobility placements enable students and staff in Higher Education to enhance transversal and employability-related skills. *FEMS Microbiology Letters*, 362(19). <https://doi.org/10.1093/femsle/fnv157>
19. Torres, M. (2017). An exploratory study of the academic engagement and beliefs of Latino male high school students. *Race Ethnicity and Education*, 20(4), 546–560. <https://doi.org/10.1080/13613324.2015.1121221>
20. Wang, Z., Crawford, I., & Liu, L. (2020). Higher achievers? Mobility programmes, generic skills, and academic learning: a UK case study. *Intercultural Education*, 31(1), 68–86. <https://doi.org/10.1080/14675986.2019.1666246>